



Дмитрий Иванович Степанов

кандидат юридических наук, *LLM, MPA*

Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества

Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.12.2016 № 305-ЭС16-10038

В комментируемом определении Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ исключила взыскание в пользу акционера убытков, возникших из-за существенного снижения стоимости принадлежащих ему акций, если требование об их возмещении предъявляется к самому эмитенту акций, когда в отношении последнего проводятся мероприятия по финансовому оздоровлению, предусмотренные законодательством о несостоятельности. В таком случае должны быть задействованы нормы специального законодательства, имеющего приоритет над общегражданскими нормами, в частности правила акционерного законодательства и законодательства о несостоятельности (банкротстве). Мало того что нормы корпоративного права «перекрывают» действие общегражданских норм, так еще и наличие у корпорации признаков несостоятельности вовсе исключает применение общих правил обязательственного права о возмещении убытков. Общие нормы гражданского законодательства можно применять там, где нет специальных правил, в том числе для корпоративных отношений, однако если тот или иной вопрос детально урегулирован нормами специального законодательства, то оснований для возвращения к общим положениям не может быть.

1. Почему это дело имеет важное значение для юридической практики и коммерческого оборота

За последние два-три года произошел существенный перелом в практике взыскания арбитражными судами убытков в корпоративных спорах: если до 2013 г. наиболее типичным средством защиты выступали иски о признании недействительным чего-либо (сделок, решений собраний, выпусков ценных бумаг, актов о регистрации), то после принятия Пленумом ВАС РФ постановления от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» практика рассмотрения дел и корпоративных споров начала дрейфовать в сторону все более широкого взыскания убытков, причем не только с менеджеров корпораций, но также и с контролирующих их лиц. Это движение было дополнено рядом получивших широкое освещение в юридической прессе судебных актов о взыскании в порядке субсидиарной ответственности убытков с контролирующих лиц, но уже после признания корпорации банкротом. Тем самым буквально за несколько лет участники корпораций и кредиторы юридических лиц переориентировались на то, чтобы требовать от лиц, реально контролирующих юридическое лицо, возмещения убытков, а не добиваться аннулирования чего-либо. В складывающейся на практике ситуации юридическое лицо больше не является инструментом, раз и навсегда отгораживающим от кредиторов и прочих лиц: функция имущественного щита, которая прежде гарантировала абсолютную защиту, теперь стала условностью. Более того, для менеджеров и контролирующих лиц сам факт участия в корпоративных отношениях становится зоной риска, поскольку даже непродолжительное по времени участие в управлении юридическим лицом может привести в будущем к имущественной ответственности.

Анализируемое дело находится в русле обозначенной тенденции. В нем истцы предприняли попытку продолжить логику взыскания убытков в корпоративных спорах, правда, не с менеджеров или контролирующих лиц, а уже с самого юридического лица. Поскольку дело дошло до высшей судебной инстанции, то очевидно, что правовая позиция Верховного Суда — если бы он поддержал доводы истцов — могла бы способствовать расширению субъектного состава ответственности, появлению, по сути, нового средства защиты интересов акционеров.

Однако сенсации не случилось. Высшая судебная инстанция не стала подливать масла в огонь. Напротив, Суд, скорее, зафиксировал те подходы, которые нашли отражение в действующем корпоративном и банкротном законодательстве, а также в судебной практике. Соответственно, расширения круга субъектов, к кому можно предъявлять иски о возмещении убытков, возникших в связи с участием в корпоративных отношениях, не произошло. Не увеличился также и перечень оснований, по которым могут заявляться иски о возмещении убытков в связи с участием в корпорации или в корпоративных отношениях: такие иски допустимы, исключительно поскольку они прямо предусмотрены нормами специального (корпоративного, банкротного, ценно-бумажного) законодательства, а не выводятся из общих положений обязательственного права. Тем самым Суд, не поддержав позицию истцов, лишний раз послал сигнал нижестоящим судам и практикующим юристам: в связи с участием в корпорации иски о возмещении убытков, предъявляемые к иным участникам корпоративных отношений (самой корпорации, директорам, членам иных органов, акционерам), допустимы лишь там, где (1) сама возможность такого

иска предусмотрена законом, что предполагает указание в его тексте на характер нарушения, за которое можно привлечь к ответственности, (2) обозначен субъект ответственности, (3) предусмотрено право истца (специальной категории истцов) на подачу иска. Попытки обойти эти ограничения, даже если они продиктованы вполне прагматичными целями защиты пострадавшего лица, скорее всего, не получат поддержки у судов.

Таким образом, лица, желающие получить возмещение убытков, возникших в связи с участием в корпоративных отношениях, должны предъявлять свои требования к тем субъектам и по тем основаниям, которые описаны в специальном законе. По общему правилу это будут либо иски к директорам и контролирующим корпорацию лицам (ст. 53.1 ГК РФ и развивающие их положения отдельных корпоративных законов), либо иски в порядке привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве корпоративного должника (п. 4 ст. 10, п. 5 ст. 129 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее — Закон о банкротстве).

2. **Позиция высшей судебной инстанции**

Правовая позиция Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ может быть сведена к нескольким моментам.

Во-первых, к отношениям между эмитентом акций (АО) и его акционерами не могут применяться положения ст. 393 ГК РФ, регулирующие возмещение кредитором убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, а равно правила ст. 309 и 310 ГК РФ; такие отношения должны рассматриваться сквозь призму правил п. 1 ст. 96 ГК РФ и аналогичные ему положения п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО), согласно которым акционеры несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им акций. Там, где специфика участия в корпорации осложнена ценно-бумажным или банкротным элементом, соответственно применяются специальные положения Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее — Закон о рынке ценных бумаг) и Закона о банкротстве.

Во-вторых, поскольку юридическое лицо действует благодаря своим органам, то судам при рассмотрении требований, аналогичным тем, что заявили истцы в анализируемом деле, следует разрешать вопрос о возможности привлечения к участию в деле органов управления корпорации (ст. 71 Закона об АО).

В-третьих, если к корпорации во время заявления акционерами требований о возмещении ущерба применяются меры по финансовому оздоровлению, предусмотренные законодательством о несостоятельности (банкротстве), то к спорным правоотношениям должны применяться специальные нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве), действовавшие в период возникновения этих правоотношений. В рассматриваемом деле корпорация (АО) являлась кредитной организацией, поэтому к ней применялись специальные правила уже внутри самого банкротного закона, т.е. правила о финансовом оздоровлении кредитной ор-

ганизации (ст. 189.34 Закона о банкротстве). Соответственно, наличие признаков несостоятельности у корпорации и применение к ней в таком случае банкротного законодательства может приводить к тому, что это специальное законодательство о банкротстве будет иметь приоритет перед корпоративным законодательством при решении тех или иных частных вопросов, если в законодательстве о несостоятельности конкретный вопрос решается иначе, чем в корпоративном или общегражданском законе.

В-четверых, если в корпорации имеется превалирующий акционер и он до вынесения судом первой инстанции решения по существу спора о возмещении ущерба корпорацией направил требование о принудительном выкупе акций у миноритарных акционеров общества в порядке ст. 84.8 Закона об АО, то этот превалирующий акционер должен быть привлечен к участию в деле. В данном случае — хотя Суд буквально этого не сказал — с учетом обстоятельств дела требования о возмещении убытков могут быть адресованы, судя по всему, к превалирующему акционеру.

3. Критический анализ позиции высшей судебной инстанции

В комментируемом деле ВС РФ, исходя из ранее устоявшихся в судебной практике подходов, а также из буквального содержания действующего законодательства, не пошел на то, чтобы создавать новые средства защиты акционеров, сопряженные с наложением монетарных санкций. Основываясь как на обстоятельствах конкретного дела, так и на политико-правовых соображениях (не стоит умножать правовую неопределенность от введения новых институтов и стимулировать сутяжничество), правовую позицию высшего суда в анализируемом деле, видимо, следует признать единственно возможным и оптимальным решением. При этом в поддержку подхода, нашедшего отражение в рассматриваемом определении, можно привести ряд аргументов более глубинного свойства, отражающих логику построения законодательства о юридических лицах.

- 3.1. Позиция истцов, возможно, в перспективе имеет право на существование, если речь будет идти о нормально функционирующем АО, т.е. о корпорации, не испытывающей финансовых трудностей. Однако как только юридическое лицо подпадает под режим законодательства о несостоятельности, происходит смена выгодоприобретателей от участия в корпорации: если при нормальном течении событий бенефициарами корпорации являются ее акционеры, то после возбуждения дела о банкротстве на их место заступают кредиторы юридического лица. В банкротном праве акционеры не лишаются всего, но специфика правового режима банкротного процесса в том, что акционеры в нем — это самая последняя группа кредиторов корпорации. Акционеры — пока применяется банкротный режим в отношении корпорации — если что-то и могут получить от компании, то лишь при условии, что до них получили удовлетворение сполна все прочие ее кредиторы, т.е. кредиторы предыдущих, более привилегированных по отношению к акционерам очередей. Эта позиция — одна из самых принципиальных основ корпоративного банкротства, а потому игнорирование ее изначально исключало удовлетворение заявленных требований. В противном случае, если бы Суд поддержал позицию истцов, была бы поставлена с ног на голову логика акционерного участия как сопряженного с риском утраты всего в банкротстве,

плюс для практики была бы открыта возможность вывода активов несостоятельного корпоративного должника в обход интересов всех прочих кредиторов по искам акционеров.

Вместе с тем остается открытым вопрос, могут ли акционеры заявлять требования о возмещении убытков к самой корпорации, если в отношении нее не возбуждено дело о несостоятельности (банкротстве). Высшая судебная инстанция нечего по этому поводу не сказала, поскольку данный вопрос не входил в предмет рассмотрения по этому делу, между тем действующему законодательству (в частности, п. 3.10 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг) известны случаи заявления требований о возмещении убытков акционеру самим АО, эмитентом акций, если эмитент не банкрот. Соответственно, нельзя исключать в будущем появления новых оснований для привлечения к имущественной ответственности корпорации по иску ее акционера (участника) при условии ее финансовой состоятельности.

- 3.2. Акционерное общество, как и любое иное юридическое лицо, — само по себе фикция, не имеющая ни воли, ни разума. Всякое юридическое лицо существует постольку, поскольку у него есть органы, состоящие из живых людей. Таким образом, имущественная ответственность юридического лица всегда так или иначе привязана к деяниям конкретных физических лиц, входящих в коллегиальные органы управления или являющихся акционерами (участниками) — как непосредственными, так и опосредованными (так называемые бенефициарные собственники, теневые акционеры и т.п.). Соответственно, для того чтобы добиться удовлетворения требования о возмещении ущерба с корпорации, лицо, обращающееся с иском в суд, должно будет доказать, что действиями (бездействием) такого-то физического лица, пусть и действовавшего от имени корпорации (это лицо может быть даже не поименовано буквально в судебном акте по фамилии и имени, однако вместо этого будет указано на орган корпорации, а орган, в свою очередь, состоит из живых людей), ему как акционеру был причинен имущественный вред. Лишь после установления такого нарушения, допущенного конкретным лицом, ущерб, причиненный акционеру, может быть отождествлен с ущербом, как если бы он был причинен истцу самим юридическим лицом.

Однако если истцу в любом случае придется доказывать, что конкретное физическое лицо, получившее право действовать от имени корпорации, допустило некое нарушение, которое в итоге привело к возникновению убытка у акционера, то почему бы акционеру не заявить иск об убытках против такого лица непосредственно? Ответ на этот вопрос обнаруживается при более внимательном изучении корпоративного законодательства: оказывается, что, за, пожалуй, единственным исключением — абз. 2 п. 2 ст. 71 Закона об АО, все случаи привлечения к ответственности в виде взыскания убытков с лиц, управляющих юридическим лицом, конструируются в российском праве по модели косвенного иска, т.е. даже если те или иные нарушения, допущенные управлявшими юридическим лицом людьми, привели к снижению стоимости акций или их полному обесценению, акционер может требовать возмещения убытков не в свою пользу, а в пользу юридического лица. Иными словами, корпоративное законодательство, за указанным исключением, не предполагает вовсе какого-либо возмещения убытков акционеру, возникших от обесценения стоимости акций, более того, исходит из того, что это риск акционера — риск утраты стоимости акций (п. 1 ст. 96 ГК РФ).

Названное в акционерном законе исключение касается довольно узкой практической ситуации, связанной с приобретением акций публичного общества, а потому не может использоваться как норма общего свойства. Именно здесь обнажается главный нерв рассматриваемого судебного спора: если акционеру в принципе неинтересно предъявлять иск к органам или контролирующим акционерам о возмещении убытков в пользу общества, потому что он сам напрямую ничего от удовлетворения своего иска не получит, то может ли он в таком случае, используя иные нормы права, в том числе общегражданские, заявить иск о возмещении ущерба в свою пользу, а не в пользу АО, во-первых, с управляющих лиц (директоров, контролирующих акционеров), во-вторых, с самого АО?

Очевидно, что на первую часть вопроса ответ однозначно отрицательный: нет, нельзя, поскольку предъявлять иск против этих лиц можно лишь по модели иска косвенного. Однако насколько очевиден ответ на вторую часть вопроса? Если корпоративное право прямо не допускает такой возможности, точнее, вообще ничего не говорит на сей счет, но при этом и не запрещает, то почему бы тогда не допустить такую опцию? Тем более что ранее именно в рамках практики арбитражных судов была открыта возможность для заявления на основании общегражданских норм об ответственности за нарушение обязательств исков акционеров к акционерному обществу — эмитенту акций за необоснованное их списание. Именно на основе этой практики впоследствии в законе (сначала это был п. 4 ст. 44 Закона об АО в редакции до 2015 г., а сейчас эта норма закреплена в п. 3.10 ст. 8 Закона о рынке ценных бумаг) появилось еще одно исключение, когда за причинение имущественного ущерба акционеру последний вправе заявлять прямой иск, но уже к самому акционерному обществу о возмещении убытков¹.

Почему бы не поступить так и на этот раз? Увы, какого-либо ответа (и даже намек) из анализа рассматриваемого судебного акта ВС РФ получить нельзя. Видимо, как полагает Суд, на этот вопрос должны давать ответ законодатели. До тех пор, пока для целей компенсации убытков, возникших у акционера от снижения стоимости его акций, законом не будет предусмотрена возможность заявления иска о взыскании убытков в пользу самого акционера с эмитента акций, такой иск невозможен в принципе. Появится ли эта опция в будущем в законодательстве — сложно сказать, однако одно можно утверждать совершенно точно: она никогда не будет предусмотрена для участников финансово неблагополучных хозяйственных обществ, в отношении которых введены процедуры, предусмотренные законодательством о банкротстве.

¹ Подробнее о появлении и развитии этой судебной практики см.: *Степанов Д.И.* Ответственность эмитента и регистратора за необоснованное списание акций // Вестник ВАС РФ. 2007. № 3. С. 11–31.